

политическую самостоятельность и независимость угнетенных народов, неотъемлемого права каждого народа на собственное урегулирование внутривнутриполитических отношений в стране. При оценке отношений колоний и колониальных стран они исходили из принципа, что борьба колоний против колониальных стран является справедливой и международный рабочий класс должен всемерно поддерживать эту борьбу. Автор указывает на гибкость позиции классиков марксизма в национальном вопросе, учитывающей, что цели и задачи национальных движений могут со временем меняться (в качестве примера приводится их отношение к чешскому национальному движению середины XIX в.).

В заключительной главе «Вклад Ленина в марксистскую философию языка» (с. 137—149) автор отмечает, что новые социально-исторические условия (подготовка и осуществление пролетарской революции, разработка теоретических основ строительства первого в мире социалистического общества) потребовали нового подхода к решению языковых вопросов. В центре философских проблем языкознания у В. И. Ленина находится материалистическая теория познания и определение роли, которую язык играет в процессе познания. Ленинская теория отражения углубляет и развивает дальше марксистское учение о связи языка и мышления и их отношении к объективной действительности, имеет огромное эвристическое значение для общественных наук современности. В. И. Ленин определил также принципы языковой политики в период строительства социалистического общества в многонациональном государстве. Имя В. И. Ленина свя-

зано с марксистским решением национального вопроса, в рамках которого В. И. Ленин очень важное место отводил языку. Он сформулировал основные принципы развития культуры, которые стали осуществляться после Великой Октябрьской социалистической революции.

Таков неполный перечень проблем, освещаемых в монографии Я. Петра. Поскольку классики марксизма-ленинизма не оставили систематически изложенного учения по философским проблемам языкознания, автор решал довольно сложную задачу и справился с ней успешно. Оценивая работу Я. Петра в целом, мы полагаем, что его книги [1, 2], а также рецензируемая монография окажут неоценимую услугу лингвистам всех специальностей как в научных исследованиях, так и в идеологической борьбе с различными идеалистическими и вульгарно-материалистическими течениями в современном языкознании.

Панфилов В. З., Юдакин А. П.

ЛИТЕРАТУРА

1. Petr J. Slavistické zájmy K. Marxe a B. Engelse. Praha, 1976.
2. Petr J. Klasikové marxismu-leninismu o jazyce. Praha, 1977.
3. Petr J. K zdrojům Marxovy a Engelsovy filozofie jazyka.— SaS, 1978, t. 39.
4. Petr J. Místo K. Marxe a B. Engelse v dějinách jazykovědy.— In: O marxistickú jazykovědu v CSSR. Bratislava, 1974.
5. Petr J. Teze klasiků marxismu-leninismu o jazyce.— SaS, 1978, t. 39.

Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания.— М.: Русский язык, 1980. 254 с.

Одним из главных достижений практики преподавания русского языка иностранцам является то, что она вызвала к активной разработке многие важные направления в теории языка, в особенности в области лексикологической теории. В книге П. Н. Денисова в систематизированном виде излагаются эти достижения; приводится обширная библиография работ, относящихся к данной теме.

Книга начинается с характеристики принципов, лежащих в основе преподавания русского языка как иностранного (гл. I), которые можно рассматривать в качестве причин, вызвавших активную разработку некоторых направлений в теории лексикологии и теории языка вообще.

Первый принцип назван П. Н. Денисовым принципом «компрессии и минимизации языка» (с. 23). В методике преподавания этот принцип требует отбора наиболее употребительной лексики, наиболее употребительных форм и конструкций, в теории — повел к обсуждению

вопроса о ядре и периферии языка, о том, почему человек, не владеющий всей гигантской совокупностью слов, способен, тем не менее, владеть языком, понимать или быть близким к тому, чтобы понять бесконечное множество текстов. Надо заметить, что эта проблема ставилась и вне связи с преподаванием языка, но кажется, что только здесь она выходит из области умозрительных рассуждений в область конкретных исследований.

Анализируя (в гл. II) частотные словари и лексические минимумы в преподавании русского языка иностранцам, П. Н. Денисов пишет, что максимальная лексическая система в сознании говорящих «свертывается» до индивидуальной лексической системы. Это «свертывание» происходит благодаря тому, что говорящие овладевают прежде всего наиболее частотными словами. Полсотни таких слов покрывают треть текста. Среди этих слов находятся предлоги, союзы, местоимения, частицы, вспомогательные глаголы и другие строевые слова, которые

вместе с 200—300 наиболее употребительных слов создают лексико-грамматическую структуру текста, обеспечивая понимание последнего, каким бы длинным он ни оказался. Хотя малочастотных слов в тексте и много, они покрывают лишь незначительную его часть и практически не затрудняют, если даже они и не понятны, понимания и построения текста. П. Н. Денисов объясняет это тем, что редкие слова «не обладают большой многозначностью или обобщенностью значения; для них легко находятся синонимы из среднечастотной и высокочастотной зоны; они легко передаются другими словами. Редкие слова свободно переводятся в расчлененные наименования (описательные выражения), в чем является действие метаязыковой способности лексического ядра» (с. 64).

Второй принцип преподавания русского языка как иностранного, вызвавший и соответствующие исследования в области теории языка, назван П. Н. Денисовым принципом «организации лексико-грамматического материала на синтаксической основе» (с. 24). Это означает, что при описании словарного состава языка необходимо ориентироваться не на изолированное слово, «а на лексические особенности словосочетаний и предложений» (с. 24).

То, что слово надо изучать не изолированно, а в системе, утверждалось давно. Известны описания слов на основе понятия тематического (семантического) «поля», с использованием компонентного анализа и т. д. Но во всех этих описаниях сочетаемость слов учитывается не вполне. Можно даже сказать, что лексическая парадигматика в этих описаниях отрывается от лексической синтагматики, от использования слова в речи, вследствие чего эта парадигматика и не является ею, представляя собой обыкновенную классификацию с учетом самых различных признаков, часто совсем не связанных с языком и с сочетаемостью слов.

В связи с практикой преподавания русского языка иностранцам в русском языковании появились словари нового типа — словари сочетаемости слов, среди которых наиболее крупным является «Учебный словарь сочетаемости слов русского языка» под ред. П. Н. Денисова и В. В. Морковкина (М., 1978). Хотя этот словарь и назван «учебным», но его значение выходит далеко за учебные рамки. Это — первый в научной практике словарь, в котором парадигматические группы (классы) лексем формулируются с учетом их синтагматических свойств. В одну парадигму объединяются лексеммы, характеризующиеся одинаковой лексической сочетаемостью. Например, слова *курильщик, грибок, рыбалов* и т. п. образуют одну парадигму, так как каждая из этих лексем сочетается с одними и теми же словами, например, со словом *заядлый* (с. 124). Сочетаемость слов выражается в словаре посредством указания на парадигматические классы, которые задаются путем перечисления слов, входящих в эти классы. Например, сочетаемость слова *курить* в словаре выражается посредством пара-

дигматических классов: 1) что — *табак, папиросу, сигарету, трубку...* 2) где — *в комнате, в кухне, в коридоре...* и т. д.

Следующий принцип в обучении русскому языку — принцип «функционально-стилистический» — заключается в том, что «обучают не абстрактной русской речи, а разговорной, научной, публицистической, деловой и пр.» (с. 25). П. Н. Денисов показывает (гл. IV), какую огромную роль сыграла практика преподавания русского языка иностранцам в исследовании русской разговорной речи. Этот вид речи, тесно связанный с ситуацией общения и имеющий большое значение при обучении языку, описывается сравнительно мало. В настоящее время при прямом или косвенном воздействии практики преподавания русского языка иностранцам появился целый ряд работ, посвященных этому стилю русского языка (см. библиографию к гл. IV).

Не без воздействия со стороны той же практики активно исследуется в настоящее время и научный стиль русского языка, тоже почти не находивший описания в качестве функциональной разновидности русского языка, хотя, как теперь обнаруживается, представляющий собой не менее разветвленную область, чем художественная речь, которой всегда уделяли основное, почти единственное внимание, несмотря на то, что художественная речь, по-видимому, никакого особого стиля и не представляет. Во всяком случае, она не является обязательной сферой использования языка для каждого говорящего.

Лексические минимумы, применяющиеся в практике преподавания, свидетельствуют о тесной связи и взаимодействии разговорного и научного стилей речи. П. Н. Денисов пишет, что эти стили «соответствуют двум основным сферам реальной жизни: обиходу, досугу и трудовой деятельности» (с. 69). Овладеть языком — это овладеть разговорной речью, а также одним из «подязыков» профессионального (научного) языка.

Кроме названных принципов обучения, П. Н. Денисов называет еще следующие: принцип «различения обучения говорению и письму, с одной стороны, и аудированию и чтению — с другой» (с. 24); принцип «учета родного языка учащихся» (с. 25); принцип «синхронности» учебных пособий (с. 28). Специальных глав, посвященных этим принципам, в книге нет. Однако об этих принципах тоже надо сказать, что и они находятся в тесной связи с соответствующими теоретическими направлениями. Так, говорение и письмо, аудирование и чтение тесно связаны с теорией синтезирующих и анализирующих моделей языка; интерференция, требующая в преподавании учета родного языка, активизирует сопоставительные исследования языков, синхронный характер учебных пособий; адресованных иностранным учащимся, подтверждает известное теоретическое положение о противопоставленности синхронии и диахронии.

В книге не сформулирован в качестве специального еще один принцип (хотя

ему и посвящается целый раздел), который тоже, как и вышеперечисленные, относится к числу основополагающих принципов преподавания языка и который тоже оказал определенное воздействие на разработку некоторых теоретических положений лингвистики. Речь идет о принципе, касающемся метаязыка описания, формы представления лингвистической информации в учебных пособиях. П. Н. Денисов пишет (в последней главе), что лингвистическое описание должно отвечать требованиям стандартности (одинаковые явления должны описываться единообразно), экономности, простоты, полноты, эффективности; что применение описания обязательно должно приводить к распознаванию или порождению правильной речи (с. 215). П. Н. Денисов считает, что лингвистическое описание должно быть ориентированным на адресата, что оно должно предполагать в читателе (ученике) определенный объем знаний; что описание не обязательно должно иметь один вариант; что необходимо соблюдать традиции в описании и т. д. (с. 214).

На примерах из лексикографии автор дает типологию лингвистических описаний, классифицируя последние в зависимости от объекта описания, от психологических особенностей адресата (носители языка, иностранцы, ЭВМ), от метаязыка описания, от социологических факторов (от данной культуры, исторической обстановки) и проч. (с. 210—211).

В связи с принципами описания затрагивается в книге и вопрос о формализации. Формализация — это описание, которое строится без опоры на интуицию, на языковое чутье. П. Н. Денисов утверждает, что полная формализация невозможна (с. 214), что применение искусственного языка, скажем, для описания

всей лексической семантики — утопия (с. 238). Можно добавить: если лингвистическое описание адресовано человеку, а не машине, то полная формализация и не нужна. Дело в том, что как носитель языка, так и иностранец владеют языковым чутьем: до многого в усвоении и употреблении языка они «доходят» сами, не прибегая к материалу, который предлагает им формализация. Но если описание адресуется машине, то в нем грамматика и словарь должны быть полностью формализованы. И такая формализация возможна применительно к значительным фрагментам языка. Добавим, что формализация — не цель, а средство, и степень ее присутствия в лингвистическом описании зависит от того, кому адресуется описание. Формализация в минимальной степени имеет место в описании, адресованном носителю языка; она максимальна в описании для машины; ее должно быть очень много в учебной литературе, предназначенной для иностранцев. Изложенные в рассматриваемой книге требования к лингвистическому описанию есть не что иное, как требования достижения определенного уровня формализации в учебной литературе.

Итак, практика преподавания русского языка как иностранного значительно стимулировала разработку многих теоретических проблем языкознания и лексикологии; она явилась и наиболее благоприятной базой их приложения. В рассмотренной книге П. Н. Денисова это показано, на наш взгляд, ясно и убедительно. Книгу можно рекомендовать не только преподавателям русского языка как иностранного, как об этом сказано в аннотации, но и лингвистам-теоретикам.

Федосов В. А.

Кубрякова Е. С. Типы языковых значений производного слова. М.: Наука, 1981. 200 с.

Рецензируемая монография состоит из Введения и одиннадцати разделов. Каждый раздел в отдельности освещает одну из граней изучаемой темы, а все в совокупности дают полную картину семантики и, добавим от себя, прагматики производного слова.

Остановимся на некоторых положениях монографии. В первом разделе «Отличительные черты смысловой структуры производных слов» говорится о двойной референции, свойственной производному слову, а именно о «референции к миру действительности, типичной для класса слов вообще, и референции к миру слов, типичной для вторичных единиц номинации» (с. 10). Так, область референции номинации «черника» может быть представлена рисунком этой ягоды или описанием ее вкусовых качеств (первая референция), но она может быть определена и отсылкой к мотивирующему слову «черный» (вторая референция).

Второй раздел «Особенности формиро-

вания семантики производного слова в словообразовательных процессах разного типа» содержит классификацию производных слов в зависимости от способов их образования. Автором выделяются три типа словообразовательных процессов, а именно: аналогический, корреляционный и дефиниционный (с. 25). Механизмом первых двух являются ассоциативные связи, при образовании по аналогии ассоциации возникают между формантными частями, ср.: ... «Безвыходность горя, безгласность, безбрежность. Холодная высь, уходящие дали... Глубокая тишь, безглагольность покоя» (Бальмонт, Безглагольность). При образовании по корреляции ассоциация возникает между мотивирующими частями, ср.: «Шалай моя! Пощелевали досыта с тобой» [М. Цветаева, Молодость (II)]. Механизмом дефиниционного процесса являются логические операции, непосредственно связанные с преобразованием развернутого суждения о предмете в его обозна-